

Александра Наумовича, воскликнув: «Не излагайте мне Вашего открытия до конца! Вдруг я случайно проговорюсь, и кто-то другой опубликует Ваши мысли раньше Вас!» Должанский с улыбкой остановился, а я с еще большей настойчивостью отказался выслушивать его дальше. Как я жалею теперь об этой глупой и неуместной шутке! Скрывавшаяся за ней несвоевременная щепетильность помешала мне донести до читателя те проблемы, которые волновали Должанского в последние месяцы жизни, и над которыми он начинал работать.

Через месяц Александра Наумовича не стало, и теория голосоведения осталась невоплощенной...» (с. 75).

* * *

Обо всех аспектах сборника к 100-летию А. Н. Должанского написать в одной заметке невозможно. Многогранность его личности порождает «всеохватность» сборника, в котором сделана попытка осветить разные стороны деятельности Должанского, дать как можно более полное представление о нем. По прочтении книги остается

удивительно цельное, единое впечатление, ощущение пронизывающего всю эту книгу теплого душевного настроения. Богатство и разнообразие материала заставляют задуматься над серьезными вопросами. В конечном счете, все это наводит на размышления о том, насколько важной может быть роль музыковеда; о насущной, жизненной необходимости нашей профессии. И каждый читатель может сказать вслед за автором одной из статей сборника: «Я убедился, сколь эффективным может быть слово о музыке...» (с. 27).

Gennady BELOV

Conference in commemoration of A. N. Dolzhansky

В статье освещается ход научной конференции, посвященной выдающемуся музыковеду-теоретику А. Н. Должанскому. Кратко охарактеризованы выступления учеников и коллег Должанского, вспоминавших ярко одаренную личность музыканта и ученого, высоко оценивших итоги его творческой деятельности, значительный вклад в теоретическое музыкознание.

The article contains a survey of the research conference devoted to the centenary of the outstanding music theorist A. N. Dolzhansky. In a concise manner, the author characterizes the reports of Dolzhansky's pupils and colleagues remembering his brilliant talent of musician and researcher and highly appreciating the results of his work as an important contribution to theory of music.

Геннадий БЕЛОВ

Чтения памяти А. Н. Должанского

Многие, кто внимательно следят за тем, о чем оповещают стенды с афишами и объявлениями в нашей Alma mater, уже с начала сентября могли обратить внимание на скромные, двоящиеся на разных этажах и гласившие, что 24 сентября состоятся Десятые Баховские чтения в Санкт-Петербурге, а 25 сентября — Чтения памяти А. Н. Должанского (в Камерном зале консерватории), приуроченные к чтениям концерты (в Малом зале имени А. К. Глазунова). Инициатива этих двух мероприятий принадлежит профессорам кафедры истории и теории полифонии, докторам искусствоведения А. П. Милке и К. И. Южак, которые в 1950–1960-е годы были учениками Должанского. Они не стали обращаться со своим проектом к администрации консерватории (хотя с уверенностью можно предположить: их предложения безусловно нашли бы поддержку), а все задуманное спланировали и осуществили самостоятельно, найдя союзников и спонсоров в Союзе композиторов

и Музыкальном фонде Санкт-Петербурга, в фонде «Музыкальный Олимп», финансовую помощь у Народных артистов Российской Федерации Валерия Гергиева и Мариса Янсонса. Завидная оперативность!

Обычное для Баховских чтений время (март–апрель) на этот раз специально было сдвинуто на конец сентября, чтобы тем самым подчеркнуть неразрывную связь юбилейных Десятых чтений со 100-летием со дня рождения выдающегося ученого-музыканта, авторитетного знатока баховской полифонии Александра Наумовича Должанского, чье рождение приходится на сентябрь, как и рождение кумира и вдохновителя его научно-творческих изысканий — Д. Д. Шостаковича. К сентябрю был приурочен и выход из печати двух сборников научных трудов: «VIII Баховские чтения. Работа над фугой: метод и школа И. С. Баха (материалы конференции 20–27 апреля 2006 года)», а также книга «Александр Наумович Должанский: Сборник статей к 100-летию со дня рождения» (СПб, 2008).

Я помню облик и голос Александра Наумовича, хотя мне и не довелось быть его учеником, часто общаться с ним как с коллегой по музыкальному цеху. Конечно, я слышал его публичные лекции перед концертами в филармонических залах, произносимые красивым и гибким баритоном всегда отчетливо, ясно и лаконично. Я припоминаю, что был на обсуждении Третьей сонаты для фортепиано Б. Тищенко (интереснейшем полифоническом цикле XX века), которое состоялось в Красной гостиной Дома композиторов, где тогда (впрочем, как и сейчас) проходили заседания секции камерной музыки¹. В то время, несмотря на блистательную виртуозность этого опуса, его композиция мной воспринималась как излишне переусложненная. Однако анализ с листа этой музыки, который вслед за авторским исполнением предпринял А. Н. Должанский, глядя в ноты на пюпитре, убедил (меня-то уж точно!), что соната — хотя интонационно и технологически сложное, но весьма содержательное, увлекательное с точки

¹ Необходимо отметить, что Александр Наумович, возглавлявший в свои последние годы музыковедческую секцию ленинградского отделения Союза композиторов, периодически посещал другие секции и принимал участие в их работе.

зрения полифонического развития, новаторское произведение.

Должно признаться, что я оказался на теоретической кафедре консерватории через 2 месяца после кончины Александра Наумовича, тогда не столь ответственно осознавая, какие обязательства мне следовало бы принять на себя. В качестве выпускника композиторского отделения и недавнего аспиранта Д. Д. Шостаковича, я был определен служить «на подхвате» у И. Я. Пустыльника (у которого в конце пятидесятих годов проходил курс полифонии), и теперь занимался индивидуально со студентами-теоретиками, проверяя их фуги и анализируя с ними полифоническую классику. Конечно, я сразу купил только что вышедшую книгу очерков А. Н. Должанского «24 прелюдии и фуги Д. Шостаковича» — она стала серьезнейшим подспорьем в моей педагогической практике, и даже сейчас восхищает меня поэтичным описанием музыки моего Учителя. Конечно, я добросовестно проштудировал очень важную для понимания сущности полифонической формы статью Александра Наумовича «Относительно фуги», на видном месте держал его «Краткий музыкальный словарь». Я изучил и теорию ладов Должанского по публикациям в книжной подборке «Проблемы лада». В период, когда мне выпало преподавать гармонию, я внимательно ознакомился с его учебником по гармонии для начинающих музыкантов и уразумел, что эта сложная дисциплина вполне может быть доступна и любителям музыки. Ныне я с огромным пиететом отношусь к разнообразному по жанрам и предмету исследований, литературно привлекательному и познавательному наследию великолепного музыковеда-теоретика.

В день рождения Д. Д. Шостаковича, 25 сентября в 12 часов И. Г. Райскин² открыл Чтения, посвященные 100-летию Должанского. В программе пленарного заседания — доклады и сообщения участников конференции, призванные (как явствует из объявленной тематики выступлений) не столько характеризовать, раскрыть многоаспектность, глубину творчества юбиляра, сколько — в духе и в жанрах музыковедческой деятельности ученого — поведать о новых изыс-

каниях в развитии современной теоретической мысли о музыке.

В выступлении нашей гостьи из Киева профессора, доктора искусствоведения, крупнейшего специалиста по славянскому музыкальному барокко **Нины Александровны Герасимовой-Персидской** нашла творческое преломление мысль о том, что с развитием нотации — от невменных знаков до современных ее форм — эволюционировали представления человечества о звуковом мире, о мире в целом, обогатились возможности музыкальной фантазии творцов искусства. **«Эволюция нотации и пространственных представлений в музыке»** — тема доклада киевского ученого, и, конечно же, мы с упованием будем ожидать его публикации в печати. Заканчивая выступление, Н. А. Герасимова-Персидская преподнесла в дар Санкт-Петербургской консерватории уникальное нотное издание «Партесные концерты XVII–XVIII столетий из киевской коллекции», изданное в Украине в 2006 году, а также киевское издание научного труда Е. Берденниковой «Гомилетические традиции в творчестве И. С. Баха».

Доктор искусствоведения, профессор Санкт-Петербургской консерватории **А. И. Климовицкий** назвал свое сообщение: **«Из петербургской бетховенианы»**. Эта тема объяснялась тем, что творчество великого венского классика постоянно находилось в русле интересов А. Н. Должанского. Будучи сам известным петербургским исследователем творчества Бетховена, Климовицкий рассказал о своих земляках-предшественниках, занимавшихся изучением наследия композитора, выделив имена Николая Фёдоровича Финдейзена, Натана Львовича Фишмана, Александра Вячеславовича Оссовского. Говорил Аркадий Иосифович вдохновенно и увлекательно, но вынужден был согласиться с замечанием профессора Т. С. Бершадской, что из его поля зрения выпал еще один виднейший петербургский исследователь музыки Бетховена — Юрий Николаевич Тюлин.

«Еще и еще раз о “Пиковой даме” Чайковского» — тема сообщения профессора кафедры гармонии **Е. В. Титовой**. Безусловно, «точкой отсчета» для исследователя стала статья А. Н. Должанского «Еще о “Пиковой даме” и Шестой

симфонии Чайковского», опубликованная в 1960 году. Прошло почти 50 лет, и Е. В. Титова нашла дополнительные научные аргументы, уточняющие и углубляющие мысли Александра Наумовича относительно гениальной оперы русского композитора.

В середине пленарного заседания председательствующий **И. Г. Райскин** сошел со своего места, чтобы зачитать им подготовленный доклад **«Шостакович. Текст. Подтекст. Сверхтекст»**. Это было, пожалуй, самое злободневно-страстное выступление музыканта-исследователя-критика-гражданина, вызвавшее горячо отзывчивую реакцию аудитории. В сообщении Райскина была поставлена и теоретически разработана проблема соотношения текста — подтекста — сверхтекста по отношению к симфоническим партитурам гениального автора 15-ти симфоний в контексте современных явлений в мировой культуре. Обобщая концепцию, петербургский музыковед связал свои рассуждения с творчеством Должанского, основателя одной из авторитетнейших научно-исследовательских школ в российском музыкознании: «Время на наших глазах создает из шедевров Шостаковича *сверхтекст*, как из музыки Баха и Бетховена, Чайковского и Малера. Если даже для герметичнейших писателей, элитарных Пруста, Джойса социальный фон значим и необходим для полноценного их восприятия, насколько же он важен для Шостаковича — музыкального летописца века!? Следовательно нужны оба подхода — и феноменология творчества и историко-культурный анализ. И это как раз то, что умел соединять в своих статьях, в своих выступлениях перед публикой Александр Наумович Должанский — ученый-теоретик и блистательный историк-публицист, лектор-просветитель, культуртрегер»³.

С глубоким вниманием слушали участники конференции доклад доктора искусствоведения, профессора **З. М. Гусейновой «Научная деятельность А. Н. Должанского в эпистолярных материалах»**. Специалист по русской музыкальной медиэвистике, Зивар Махмудова открыла новый пласт в исследовании творчества замечательного ученого, который ранее никем не был затронут. Из еще не опублико-

² Иосиф Генрихович Райскин ныне является председателем музыковедческой секции Санкт-Петербургской организации Союза композиторов.

³ Цитируется по рукописи доклада, предоставленной автором.

ванных рукописных материалов, фрагменты которых зачитывала докладчица, из переписки музыканта с коллегами, друзьями, родными складывался образ музыковеда-подвижника, ученого-гражданина, озабоченного проблемами (прежде всего) современного музыкознания. Опять же, будем надеяться, что эпистолярный А. Н. Должанского вскоре найдет научно выверенный книжный формат публикации.

Если бы доктор искусствоведения, научный сотрудник Санкт-Петербургской консерватории **С. М. Сигитов**, энергичнее отозвался бы на реплику из зала: «crescendo!», то его выступление не осталось бы нерасслышанным большинством присутствующих. А жаль! Тема его доклада «**Школа А. Н. Должанского и проблемы изучения музыки второй половины XX века**» представляется актуальной, серьезно квалифицирующей заслуги как самого главы школы, так и его учеников. Безусловно, докладчик владел обширным материалом, но ему не хватило пропагандистского пафоса, увлекательности речи.

Я сидел в зале рядом с профессором кафедры камерного ансамбля, композитором Т. А. Ворониной и видел, как она, перестав прислуши-

ваться к монотонному выступлению Сигитова, напряженно листала книгу в темновишневом переплете, останавливаясь на некоторых ее страницах. Как только С. М. Сигитов перестал говорить, Татьяна Александровна взяла слово и, не выходя к трибуне, произнесла взволнованную речь об этой книге, подняв ее над головой. В ее руке оказался один экземпляр из книжной пачки, появившейся во время перерыва пленарного заседания. Таким способом композитор Воронина обратила внимание на книгу «**Александр Наумович Должанский: Сборник статей к 100-летию со дня рождения**», призвав всех присутствующих, особенно студентов, немедленно приобрести ее: польза будет — огромная!

И приятным звонким баритоном, и складной манерой содержательной речи музыковед из Харькова, кандидат искусствоведения и композитор **И. М. Приходько** напомнил мне самого А. Н. Должанского. Темой своего сообщения «**Говорить о музыке**» он избрал проблемы лекторского и литературного искусства пропаганды музыки, ее словесного толкования прежде всего для широких слоев людей, тянущихся к музыкальной

классике и к современным звуковым формам. Конечно же, образцом для докладчика служило неувядающее наследие А. Н. Должанского.

Заключительным «аккордом» конференции, посвященной памяти А. Н. Должанского, стал в этот день концерт в Малом зале имени А. К. Глазунова. И опять можно восхищаться продуманностью замысла всего юбилейного «действия», подготовленного А. П. Милкой и К. И. Южак. В программе концерта — музыка композиторов, творчество которых находилось в центре музыковедческих интересов Александра Наумовича. Три имени: И. С. Бах, П. И. Чайковский, Д. Д. Шостакович. Исполнители: **Надежда Рубаненко** — внучка Должанского, концертмейстер и преподаватель в Университете «Моцартеум» (Австрия), **Рувим Островский** — муж Надежды Рубаненко, доцент класса специального фортепиано Московской консерватории, любимец петербуржцев пианист **Петер Лаул** — внук Должанского, и примкнувшие к этому «родственному трио» скрипач **Илья Грингольц** и виолончелист **Дмитрий Коузов**. Концерт собрал много публики и прошел с надлежащим успехом.

Участники чтений памяти А. Н. Должанского. 25 сентября 2008 года.

Слева направо 2-й ряд: К. И. Южак, А. Б. Коровина, А. П. Милка, И. С. Хусаинов.

1-й ряд: Т. А. Воронина, И. Г. Тукова, С. М. Шабалтина, С. М. Сигитов, А. И. Климовицкий, Н. А. Герасимова-Персидская (Киев), И. М. Приходько (Харьков), Е. В. Титова, И. Г. Райскин